

ВОСПОМИНАНИЯ ВОЕННЫХ СВЯЗИСТОВ ОБ ИХ УЧАСТИИ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ И В РАЗРАБОТКЕ И СОЗДАНИИ ТЕХНИКИ ВОЕННОЙ СВЯЗИ

Дудник Борис Яковлевич,
доктор военных наук, профессор,
лауреат Государственной премии СССР,
полковник в отставке

В Великой Отечественной войне участвовал с 1941 г по май 1945 г., (командир взвода, начальник радиостанции средней мощности, командир радиороты 32-го отдельного полка связи Северо-Западного фронта, помощник начальника связи 25 кавалерийской дивизии. (командир 31-го гвардейского отдельного батальона связи 23-й стрелковой дивизии 3-й ударной армии).

В послевоенное время проходил службу в Военной академии связи и 16 ЦНИИ МО.

В первый месяц войны я был назначен помощником начальника направления связи (ННС) к 11-й армии. Я был должен обеспечивать телефонную и телеграфную связь штаба Северо-Западного фронта со штабом армии. Проводная связь на этом направлении работала крайне неустойчиво.

С первых часов начала гитлеровской агрессии, т.е. уже к утру 22 июня 1941 года, на территории Латвии и Литвы стали в массовом порядке выходить из строя узлы государственной связи, которые использовались или могли быть задействованы в интересах военной связи.

Как потом выяснилось, в эти республики заранее были тайно засланы многочисленные диверсанты, организовавшие из местного населения диверсионные отряды (группы), которые с начала боевых действий разгоняли обслуживающий персонал узлов, а кое-где и выводили их из строя.

Эти отряды (группы) подрывали шашками тола опоры ПВЛС округа и государственной сети. Для ускорения процесса полной дезорганизации стационарной системы связи фронта и основательного затруднения даже частичного ее восстановления немцы при подготовке к войне создали и обучили специальные авиационные подразделения. Они состояли из легких самолетов (типа наших У-2), оснащенных небольшими авиационными бомбами. Летая вдоль ПВЛС на малой высоте, летчики сбрасывали бомбы на линии и выводили из строя провода и опоры.

Как же нам удалось организовать и обеспечивать проводную телефонную и телеграфную связь командующего и штаба 11-й армии с командующим и штабом фронта? При этом ни у ННС фронта, ни у начальника связи 11-й армии не было полевого кабеля даже для подачи соединительных линии от ближайших ПВЛС на армейский узел связи.

Приходилось каждый день, особенно после очередного перемещения КП армии, вести непрерывную разведку и определять, с какого ближайшего пункта можно установить связь со штабом фронта, а затем, как это ни парадоксально с точки зрения сегодняшних представлений, ехать с командующим армией в этот ближайший пункт и обеспечивать ему переговоры с командующим фронтом. Между тем линии связи были перегружены разговорами — на цепях (проводах) ПВЛС «гирляндами

висели» телефонные аппараты и коммутаторы командиров и штабов соединений, находившихся в прифронтовой полосе, которые поддерживали между собой связь напрямую, без участия местных или полевых коммутаторов. Поэтому дозвониться до штаба фронта за 100–150 километров, несмотря на высокую приоритетность этой связи, было весьма трудным делом, требующим немалого времени и сил. Иногда приходилось устанавливать эту связь, подключаясь к ПВЛС на одной из опор прямо в чистом поле. Я залезал на столб с телефонным аппаратом, подключаясь по очереди к цепям, дозванивался, наконец, до узла связи штаба фронта, просил командующего фронтом и передавал трубку командующему армией, который, сидя верхом на коне, вел переговоры. Иногда командующий фронтом требовал доложить по телефону о выполнении его распоряжений, и тогда мы на лошадках повторяли поездку на «переговорный пункт». Этот, пожалуй наиболее критический, период в состоянии связи на Северо-Западном фронте продолжался две-три недели, до тех пор пока на фронт не прибыли положенные по расчету линейные части связи. Улучшилось управление войсками фронта лишь тогда, когда резко замедлились темпы передвижения врага в глубь нашей территории. Связисты стали успевать строить (прокладывать) линии связи за войсками в соответствии со складывающейся оперативной обстановкой, более устойчиво начали работать проводные телеграфные и телефонные связи. Вскоре я вновь был назначен начальником радиостанции 32-го отдельного полка связи.

Что же касается радиосвязи во фронтовом и армейском звеньях управления, то, хотя она в ту пору не отличалась высоким ка-

чеством и удобством пользования (радиоканалы были, в основном, слуховыми), многие командиры и штабы в тяжелейших для управления условиях были ей очень благодарны.

Трудно было передать шифровку — приходилось многократно повторять ее, но все-таки минимально необходимый обмен оперативно-тактической информацией в войсках обеспечивался. Я знаю об этом не понаслышке, так как участие в обеспечении радиосвязи являлось в то время главной моей служебной обязанностью.

Радиостанции были, в основном, малой мощности (от 0,5 до 50 Вт), имели грубую установку частоты и никакой стабильности настройки. Если бы не училищные полигонные тренировки и небольшая моя радиолюбительская практика, вряд ли задача была бы выполнена. Эта практика мне особенно помогла, когда я был послан помощником начальника связи по радио 25-й кавдивизии, совершавшей рейд в тыл немецкой обороны под Старой Руссой. Операция проводилась под непосредственным управлением штаба фронта. Для радиосвязи с ним были выделены две радиостанции РБ и одна РСБ на автомобиле. Последняя не могла преодолеть болото, через которое дивизия проходила в тыл противника, поэтому ее пришлось оставить на суше в качестве переприемной, а с собой на вьюках взяли обе РБ. На узле связи фронта за нашими позывными следили радисты высшей квалификации, и, тем не менее, как только ночью мы двинулись по болоту и комдиву потребовалось послать первое донесение в штаб фронта, мне не удалось с ними связаться — ни непосредственно, ни через переприемную РСБ. Я мобилизовал все свои знания и по распространению радиоволн, и по антеннам, но все было тщетно. Связь появилась только к утру, когда части дивизии вышли на твердую почву и были обнаружены фашистами, которые стали нещадно бомбить и штурмовать их самолетами. Наша связь оказалась весьма кстати. По докладу комдива фронт организовал авиационное прикрытие действий дивизии и рейд

продолжался. Радиосвязь наладилась благодаря лучшему подбору групп частот для дня и ночи с учетом дальности связи и реального состояния ионосферы.

Я участвовал в Берлинской операции, был командиром 31-го гвардейского отдельного батальона связи 23-й гвардейской стрелковой дивизии.

Берлинская операция отличалась от множества других. Гитлеровцы не сдавали без боя ни одного дома. В боях участвовали не только мужчины, но и женщины, дети.

В основе тактики наших войск при штурме города были действия комплексных штурмовых групп. При этом требовалась четкость взаимодействия между группами, поддерживаемая артиллерией, танкосамоходными и танковыми частями, а также авиацией. Вместе с тем обеспечение необходимой для этого бесперебойной связи происходило с преодолением необыкновенных трудностей: УКВ- и КВ-радиосвязь экранировалась домами и плотной «паутиной» проводов; кабельные линии разрушались минами и снарядами, повреждались при разрушениях домов, сопровождаемых пожарами; прокладка же и восстановление линий (как правило, по открытым улицам под огнем противника) сопровождалась огромными потерями линейщиков.

Связистам пришлось адаптироваться в новой обстановке и вырабатывать новую тактику. Радисты полезли на крыши домов. Однако немцы этот прием вскоре разгадали и многие наши лучшие специалисты попали на мушку фашистским снайперам. Пришлось маскироваться на чердаках или верхних этажах зданий, изобретая нетабельные антенны и выносные устройства для ведения радиопереговоров из подвальных помещений, где обычно располагались пункты управления частей и соединений. Одновременно стали вести борьбу с вражескими стрелками. Стоило только заметить, что из определенного дома стреляет снайпер, как к нему приближалась наша самоходка, и через несколько минут от дома оставались лишь груды камней.

Приспосабливались к новым условиям и кабельщики. Линии связи стали прокладывать не вдоль улиц, а по дворам, подвалам домов, используя взрывчатку для образования проходов и преодоления всяческих препятствий. При этом нередко приходилось вступать в схватки с фашистами, которые маскировались под мирных жителей, прятаясь в подвалах домов.

Гитлеровцы непрерывно контратаковали, по подвалам домов и тоннелям метро они выходили в тыл наших частей, нарушали связь и управление. Между тем успешно выполнять боевые задачи в этих сложных условиях без связи с соседями и старшим командиром (штабом) было практически невозможно, и продвижение частей резко замедлялось, вплоть до полной остановки.

В один из таких сложных моментов попал в окружение и потерял связь с командованием дивизии 64-й полк. Для восстановления управления в штаб полка направились начальник связи дивизии и помощник начальника оперативного отделения штаба. Однако они наткнулись на только что сооруженную немцами в тылу наших частей баррикаду и чуть не попали к ним в плен. Один из них был серьезно ранен. Командир дивизии срочно вызвал меня из другого полка и приказал во что бы то ни стало восстановить связь с 64-м стрелковым полком.

Зная о случившемся, я с радиостанцией РБМ, запасом батарей и небольшой командой направился в полк не на машине, а пешком, в обход злополучной баррикады. Пробираясь по дворам, в одном из них мы обнаружили большой грузовик, в кузове которого под тентом стояли какие-то станки — видимо, походная мастерская. Мастерская была и в доме, куда мы зашли, чтобы найти аккумулятор и ключ зажигания. Ключа найти не удалось, так как хозяина мастерской на месте не оказалось, а аккумулятор стоял на подзарядке. Переодевшись в одежду рабочих и обрезав на всякий случай действовавший как ни в чем не бывало телефон, мы завели автомобиль и выехали

со двора. Однако куда ехать, где останавливаться — никто из нас точно не знал. Улицы вдоль линии соприкосновения сторон были пустыни, лишь на перекрестках возвышались баррикады и стояли немецкие пушки. Ориентироваться по плану города оказалось невозможно, так как по ряду улиц и переулков из-за образованных завалов или построенных баррикад нельзя было проехать. Хотя мы находились в 3,5–2 километрах от места размещения командного пункта стрелкового полка, нам пришлось проехать 15–20 километров, в основном по вражеским тылам, пока в подьезде одного из домов мы не увидели наших бойцов. Катаясь по городу, мы обнаружили неподалеку от 64-го стрелкового полка танко-самоходный полк, который из-за отсутствия связи стоял в бездействии, заняв круговую оборону на одной из площадей.

Только после восстановления связи и организации взаимодействия между частями наступление на правом фланге дивизии возобновилось с новой силой и через двое суток наши подразделения вышли на р. Шир, откуда огнем поддерживали штурм рейхстага. Этот пример показывает, насколько велика была роль связи при штурме Берлина.

Насколько важно связисту быть специалистом широкого профиля, я хорошо осознал из личного опыта в годы Великой Отечественной войны.

Разумеется, техника связи в то время была проще, а число специализаций связистов — меньшим. Так, в Ленинградском военном училище связи в последние предвоенные годы курсантов готовили по командной и четырем техническим специализациям: радио, проводной связи, фототелеграфу и ОСНАЗ. Фототелеграфисты основательно изучали также КВ-радиостанции малой и средней мощности и УКВ-радиостанции.

Я, как фототелеграфист и радист (по дополнительной специализации), осваивал работу не только на фототелеграфном аппарате, но также и на радиостанциях, на телеграфных аппаратах Морзе и СТ-35.

Можно привести много примеров, из которых следует, что на фронте нужны специалисты-связисты широкого профиля, владеющие всеми типами находящейся в войсках техники связи, умеющие самостоятельно организовывать и обеспечивать связь имеющимися комплексами средств в самых сложных условиях боя (операции).

Вспоминается случай, из которого я сделал для себя вывод, насколько важно знать особенности техники связи. Мне как дежурному по радиоузла связи штаба фронта доложили о выходе из строя единственной радиостанции РАТ, поддерживающей связь с Генеральным штабом. Для ремонта станции выехал инженер управления связи. Проходит час, другой, а причина отказа станции не выявлена. Хотя схемы этой радиостанции я не знал, все-таки имел к тому времени опыт в ремонте других радиостанций, поэтому решил посмотреть, что же там делают специалисты. Первое, что я увидел, прибыв на станцию, — это разостланная на траве большая принципиальная схема радиопередатчика, по которой ползали радиоинженер и два техника, не понимая, в чем же дело, почему не «раскачиваются» выходные каскады передатчика. Мне свободное место у схемы не нашлось, и я стал изучать передатчик на ощупь с помощью старшего радиста, который неплохо объяснил мне общее устройство передатчика, показал основные его узлы и каскады. Меня заинтересовал шкаф потенциометров, с помощью которых регулировались смещения на сетках ламп передатчика.

Заподозрив, что именно здесь может скрываться неисправность, я открыл шкаф и стал проверять, все ли провода на месте и не ослабла ли затяжка хомутов на проволочных сопротивлениях. Один из хомутов оказался явно ослабленным. Мы его подтянули, включили передатчик и пригласили «специалистов» посмотреть, как он работает. Разумеется, они были удивлены и не верили, что причина отказа заключалась в том самом хомуте, так как они измеряли величины сопротивле-

ний во всех цепях ламп и все они были в норме (надеюсь, читатель может понять, в чем тут дело). После этого случая я дал себе зарок изучить всю нашу технику связи так, чтобы для диагностирования причин ее отказов не требовалось «ползать» по схемам, а можно было определить их так, как это делают «набившие руку» на конкретной аппаратуре лучшие опытные мастера. В течение всей войны я руководствовался этим правилом. Конечно, это потребовало большой работы над принципиальными и монтажными схемами техники, экспериментов с аппаратурой при различных неисправностях и т. п. Зато в результате выработались необходимые навыки и уверенность в том, что любые отказы техники при наличии запчастей будут быстро устранены. Такой глубины знаний я требовал и от своих подчиненных, особенно когда служил в корпусе и дивизии, где обстановка по связи была весьма динамичной, повреждения и отказы техники были частыми и восстанавливать ее требовались на месте без отправки в армейские или фронтовые мастерские. Вывод из этих воспоминаний ясен и прост: военному специалисту-связисту необходимы обширные глубокие знания, умение и навыки и в технике, и в организации связи. Для приобретения их надо постоянно и целеустремленно трудиться и в учебных заведениях, и особенно во время службы в войсках.